

І. М. М. О. Р. Т. А. І.

КЛЪС НАЙМАНОВ

**ОСВОБОЖДЕНИЕ
БЕССМЕРТНА**

16+

I.M.M.O.R.T.A.L.

Ильяс Найманов

Освобождение бессмертия

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Найманов И.

Освобождение бессмертия / И. Найманов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (I.M.M.O.R.T.A.L.)

Продолжение книг "Янтарь. Вирус бессмертия" и "Рабы бессмертия". Как и каким образом зомби, начало которым дано было в Зоне отчуждения вокруг ЧАЭС, смогут пройти на Большую Землю? Что человечество предпримет для борьбы с этими существами? Каковы шансы у царствующей ныне человеческой цивилизации остановить распространение искусственно выведенного вируса и все ли считают распространителей инфекции действительным злом?

Содержание

Глава 1. Прокаженный	5
Глава 2. Бабушкин клубок	8
Глава 3. Из клетки	12
Глава 4. Болото Большой земли	21
Глава 5. Бар «Муха»	27
Глава 6. Тик-так	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1. Прокаженный

Обесточенные много лет назад, притихшие в ночи линии электропередач светились странными двигающимися по оборванным проводам вверх и вниз блуждающими огнями. Иногда с этого призрачного огня срывалась искра и летела вниз, освещая горючей слезой сгорбившую внизу неказистую, практически черную фигуру. Лука сидел в кромешной тьме, закрыв глаза. Ему хотелось скрыться и потеряться среди этого мира живых и мертвых, среди остатков человеческой цивилизации, оказавшейся наполненной людьми точно так же, как и он сам, как будто бы мертвый, вдруг оказался наполненным чем-то живым. Это было нечестно. Он думал, что умер и внутри, и снаружи. Но все произошло так не вовремя. Бережно держа кончиками пальцев фотографию, он боялся поглядеть на нее, боялся вновь увидеть это святое, лучистое лицо его ребенка. Сейчас, без освещения, он не мог увидеть то, что было запечатлено на ней, но тогда, под лучами прожекторов одного из экзоскелетов противника, стоящего на крыше, он увидел эту фотографию всего на миг или несколько секунд, провалившись в бесконечность и предательскую слабость. Что он тогда сказал? Что? «Добро пожаловать в рабство»? Как это могло слететь с его губ – он же искренне верил, что он – это все его братья, но он – это не его братья? Он прогнал их. Он – это не они, он – это другое...

Лука откинул голову назад и, не открывая глаз, попробовал дышать. Дышать ему было не обязательно – он делал вдох только для того, чтобы можно было на выдохе сказать слово. Как же далеко он зашел. Его ребенок, его дитя... Как он может показаться ему на глаза в таком виде? Его дочь, его Дарья, должно быть, стала уже взрослой женщиной и давно забыла лицо отца. Да он и сам забыл, как он должен был выглядеть. Слишком многое прошло с того времени, как он вышел из подземелья, слишком много он успел сотворить. Что теперь? Что теперь делать? Кто поможет ему? Врачи? После того что он сделал там, на охраняемом участке периметра, украв и, по сути, убив сорок человек, украв у них волю и заразив каким-то... Чем он их заразил? Лука открыл глаза и поднял одну руку вверх, пытаясь разглядеть ее на просвет. Он видел ее душное серое, с элементами фиолетового свечение, слабые разряды электричества, возникающие в ней, когда он шевелил пальцами. Рука сейчас по форме была абсолютно человеческой, но если ее осветить, то ржавая чешуя однажды спаленной инфекцией человеческой кожи выдаст в нем зверя, чудовище, мертвеца... Как сказал один из людей, которого он... Нет, его братья... нет, его рабы... нет, рабы этой заразы привели к нему. Тот человек сказал, что они все зомби. Тогда он, Лука Псарас, спросил его: «Кто такие зомби?» И тот человек ответил, что это ожившие мертвецы. Да. Точнее не скажешь. Он умер, он должен был умереть... Но чья неведомая и страшная воля заставила его снова подняться и ходить? Какая неведомая и страшная сила заставила его заражать других людей?

Лука опустил руку, в другой бережно, кончиками пальцев продолжая удерживать фотографию. Он ведь научился есть нормально, как человек. Он привык высасывать и забирать жизнь из всего. Это началось так давно. Где-то в глубине его памяти появились картины, как он, сгорая в борьбе двух инфекций, кричал от боли и ходил в темноте среди безмолвно стоящих вдоль стен мертвецов, воя и не находя себе места, бился головой о стены, углы, как он пытался, надеялся умереть, но... Он вспомнил тот шприц с бурой жидкостью внутри. Вспомнил, с каким победным чувством он вводил эту бурую смерть себе в вену, лишь бы не стать как те, которые безучастно наблюдали за ним. Это было нечестно и подло.

Где-то недалеко почувствовалось движение. Движение полного жизни существа, собаки без глаз... Странная собака. Как они еще живут здесь? Собака без глаз, слепой пес. Лука притих, прислушиваясь к существу, одновременно замечая, что он снизил температуру тела, чтобы тот не обнаружил его и прошел мимо, и тогда он, Лука Псарас, схватит его одеяло жизни и... Нет!

Сидящий на земле встал, резко вырисовываясь на фоне ночного неба. Слепой пес вздрогнул и стремительно бросился прочь. Слабая улыбка коснулась узких губ существа. Не сегодня, не так и не сейчас. Лука оглянулся, сориентировался на местности, выбрал направление и пошел. Скоро в Зоне должен был начаться дождь, и он не простит себе, если с фотографией его дочери что-нибудь произойдет. Это действительно все, что у него есть сейчас, на данный момент этой недостижимой и нежеланной жизни. Жизни ходячего страшного мертвеца, в котором проснулось что-то живое...

Овод Пустотелый уводил своих братьев в Рыжий Лес. Его Старший Брат выжил из ума. А как же иначе? Он назвал их святое Братство рабством. Неизвестно, что было на том клочке бумаге, который, кувыркаясь, упал вниз, но, что бы там ни было, оно не могло встать ни в какое сравнение с Братством. С их высшей целью равенства и справедливости, с их назначением сделать весь мир одной семьей, где все будет подчинено одной цели. Какой? Он пока не знал этого, но чувствовал, что, как только они обратят весь мир в Братство, то, ради чего это все делалось, сразу станет простым, понятным и очевидным. Овод даже не верил в это – он знал. А Старший Брат Лука прогнал их и ушел сам... Почему?

Сейчас Овод шел в темноте вместе с девятью оставшимися братьями, ощущая всем телом первые тяжелые капли начинающегося дождя. Теперь, когда Старшего Брата не было, он начал думать. Думать о том, что теперь все операции и действия должен планировать он сам. Конечно, иначе кто будет нести силу Братства людям? Кто? А эти люди, эти нелепые, глупые, обособленные существа, как они посмели покуситься на Братство? Овод вспомнил, что тоже когда-то был человеком, но сейчас не мог понять, каково это – быть такими, как они. Жить без понимания того, в чем твое предназначение, жить без цели и ощущения того, что с каждым новым вступившим твоя сила возрастает. Он слышал, что их называют Черным Братством. Что ж, он не против. Это даже больше подходит им, чем просто Братство. Теперь он, если потребуется, может называть себя и своих братьев Черным Братством. Их называют зомби. Глупцы. Это все людишки-зомби. Живут без цели, умирают ни за что, за артефакты, за деньги, за какие-то бессмысленные понятия. Как они не понимают, что тратят время и жизнь ни на что. Вместо того чтобы строить мир и согласие, вместо того чтобы жить как одна семья, как братья, они грызутся друг с другом, охотятся, чтобы убить, а не для того, чтобы создать то, что создавал Старший Брат, а теперь будет создавать он сам.

Один из братьев споткнулся о старую, забытую растяжку. Раздался взрыв. Ударная волна с горстью осколков ударила по ногам и телу с правой стороны. Не очень-то и больно. Овод усмехнулся. Кроме того, что людишки сами по себе глупы и неразумны, так еще и зомби, которые прибежали им на помощь, не разобравшись в чем дело, принялись воевать с ними, с Братьями. С этими зомби уже бесполезно о чем-то договариваться – они не могут вступить в Братство, они просто умирают, как и некоторые другие, не переносящие процесса соединения с Братством. Овод потер грудь. Те зомби, которые поддерживали людей, умели ослаблять их. Овод почувствовал, как вдруг тяжело стало двигаться ему и как тяжело было тащить с них их серое, трудноуловимое и прочно сидящее на них одеяло жизни, как будто оно было пришито к каждой их клетке.

Но все-таки, как все эти люди оказались вдруг вместе? Когда он был в Долге, они за людей не держали сталкеров Свободы, а теперь же он сам видел, как Долг и Свобода сражались вместе. Буквально вместе, стреляя и прикрывая друг друга, забивая его братьев железными кулаками в землю, ломая кости и черепа. А эти сталкеры и после появившиеся бандиты – кто их-то туда звал? Бандиты никогда не лезли на рожон и никогда не держали обещания, насколько он их знал в прошлой жизни. Овод обернулся на идущего позади брата из бандитов. Тот молча шел, в своих лохмотьях. Нет, это уже не бандит, это настоящий брат, он уже не предаст, потому что

у него есть настоящая вера и знание. Но что же делать теперь? Объединенные армии сталкеров оказались сильнее их, они оказались подготовлены и смогли убить и пленить практически всех. Нет, больше Братству нельзя так действовать в Зоне. Пусть сталкеры останутся внутри со своими артефактами, а они поищут другое место, откуда смогут согласно обстановке начинать свой большой путь. Большой путь на Большой земле, иначе зачем они здесь вообще остались на этой стороне жизни? Почему из всей прошедшей мясорубки остались только десять братьев? Не является ли это знаком свыше? Не говорит ли тайный смысл в них, что это и есть их предназначение? Но теперь надо действовать очень осторожно, очень и очень.

Десять существ размеренно шли по ночной Зоне. Иногда кто-то из них касался елочки или березки, и они чернели, иногда следы идущего отпечатывались просто черной цепочкой умершей травы. Накрывший их внеплановый Выброс, очередная прихоть Зоны, передвинул аномалии им навстречу, но зомби, не замечая преграды, прошли в узких коридорах между ними, оставив бессильную Зону смотреть на этих всемогущих и бесконечно жестоких для нее существ, созданных, как и она, кем-то другим.

Глава 2. Бабушкин клубок

База Свободы. Армейские Склады.

– Может, его опять покормить надо? – спросил высокий долговязый паренек с пластиковой прозрачной маской на лице у своего товарища, тыкая палкой в клетку, в которой, словно зверь, сидел человек, покрытый ржавыми пятнами. Глаза пленника с желтыми белками смотрели на паренька, не моргая, с одним явным желанием убить и растерзать мучителя.

– Да нет. Он уже третью крысу высосал. Хватит ему, – возразил другой паренек с разрезами на локтях джинсовой куртки и такими же разрезами на коленях штанов.

Он так же носил защитную пластиковую маску на все лицо. Кроме того, сейчас при движении оказалось, что и на груди его куртки была пара разрезов.

– Ну, пойдем тогда другого посмотрим, – предложил первый, откладывая палку и приближаясь к пятнистому пленнику, в десятке метров от первой клетки подвешенному в воздухе за руки и за ноги. На груди у него скотчем был приклеен осколок «кристалла». Парнишка осторожно приблизился к зомби и посмотрел на участок тела вокруг него и под ним.

– Что – ничего?

– Нет, – цокнув языком, ответил мучитель.

– Худой, Рваный! Что вы опять к ним прицепились? – крикнул сверху с моста некробиолог Трофим. – Здесь вам нельзя, опасно. Идите лучше с артефактами экспериментируйте... к себе.

– А мы уже все! – задорно крикнул Худой, счастливо улыбаясь.

– Что – все?

– Мы уже сделали сборку, Док, – крикнул чуть спокойнее Рваный, доставая и показывая из кармана нечто цветное, похожее на смятый в приплюснутый шарик разноцветный пластилин.

– Да? – изумился Трофим. – Погодите, сейчас спущусь.

Он торопливо, чуть не споткнувшись, сбегал вниз по бетонным крошащимся ступенькам и подошел к Рваному.

– Покажи!

– Вот! – самодовольно продемонстрировал Рваный. – Один камушек и работает метра на три.

– Так на тебе сейчас что – кроме него ничего нет?

– Не-а, – беззаботно ответил парень, пряча сборку в карман.

– Ты что, с ума сошел? – вскинулся Трофим. – А у тебя? – спросил он у Худого.

– Не, у меня полный комплект, все как у старичка Дока, – также улыбаясь происходящему, ответил Худой.

– Я тебе покажу старичка, – беззлобно погрозил для порядка Трофим. – Рассказывай давай.

– Мы на крысах проверяли, прикладывали к ним то одно, то второе, в общем, со всеми артефактами они их высасывают, с разной скоростью, но с обломком «снежинки» она дольше помирает. Не помирает почти.

– Так вы «кристалл» со «снежинкой» свели?

– Нет. «Кристалл» со «снежинкой» плохо сходятся, плавятся, отталкиваются друг от друга. Такое работать надежно не будет, а вот если кусочек «слюды» в спирте размягчить, то они хорошо держатся.

– Так это значит «слюду» надо еще...

– Не... – покачал головой Худой, посмеиваясь над нетерпеливо вопрошающим некробиологом. – Тут без «бабушкина клубка» никак. Иначе они толком не светят. А с «клубком» сразу метра на три бьют, и можно маленькие кусочки использовать. Экономно.

– Значит, всего четыре артефакта надо? – подытожил Трофим, уже опасаясь очередного «не» от парней.

– Ага, – кивнул Худой. – Хочешь, мы при тебе дистанцию проверим? Можно крысу ставить и отходить от нее. Как она сдуться начнет, значит, нет покрытия. У нас примерно три метра вышло, ну, может, три с половиной.

– Ну молодцы! Ну пацаны... красавцы просто! – искренне восхитился Трофим.

Еще несколько дней назад Худой и Рваный, и без того испытывавшие болезненный интерес к зомби, буквально ходили за Трофимом по пятам, пока он брал с них соскобы, образцы тканей, пока расщеплял и разделял по клеткам, помогали ему со всеми сканерами, анализаторами, микроскопами. В общем, на какое-то время он обзавелся добросовестными помощниками, корпящими над приборами при помощи тончайших игл, пипеток и прочего едва различимого для глаза инструмента. И вот, когда его не было всего сутки на базе, ребята занялись своим прямым делом и создали сборку, которая была намного эффективнее предыдущей схемы распределения осколков «кристалла» по поверхности человека.

– Теперь что, этих в топку? – спросил Рваный, глядя на пленников.

– Не знаю. У Якоря надо спросить. Они, конечно, могут и пригодиться, наверное, но кормить их...

– Да к черту их, Док, – крикнул сверху с моста Калмык. – Я им больше крыс таскать не буду. Я вам что, кот? С утра и до ночи, дай, дай, дай, дай этих крыс. Уже своим делом заниматься не дают! У меня там химера верхнюю шкуру должна сбросить, мне за ней ходить надо, а тут эти пугала через каждые полчаса худеть начинают. Ты как хочешь, Док, а я Якорю скажу, что я больше в этом деле не помощник, – Калмык почесал голову под капюшоном. – Идите сами их ловите – я места показывал, ловушки на месте, в самом деле.

– Мы тебя поняли, Калмык, – переводя взгляд со стоящего наверху сталкера на парней, согласился ученый. Затем, заметив кусок артефакта на одном из пленных, спросил: – Это зачем?

– Да так, – пожал плечами Рваный, – чтобы он у того, который в клетке, крыс не воровал. Пока с тем в клетке проверяешь, этот ее тоже, видать, хомячит... Нарушает нам чистоту эксперимента, – улыбнулся он, вспомнив формулировку ученого.

– Ну как ему не хомячить? В половину отощали, – заметил ученый. – Скоро отойдут, похоже.

Калмык, стоявший сверху на мосту, махнул рукой и отвернулся, всем своим видом показывая, что туда им и дорога. Действительно, из плененных тогда почти трех десятков зомби, из так называемого Братства, планировалось взять с десятков на Базу Свободы для работы некробиолога, но этот десяток оказался так прожорлив, что они начали иссыхать один за другим. Того количества жизни, которые приносили им сталкеры в виде крыс и тушканов, им не хватало, а обычная человеческая еда ими не принималась. В результате оставили только двоих, остальных пришлось оставить без пропитания, где они и издохли в течение полутора-двух суток.

– Ну, мы это, – шмыгнув носом Рваный, – можем сборку сейчас на поток поставить. «Бабушкиного клубка» надо всего вот, – он показал кончик пальца. – «Слюды» у нас как грязи, «снежинки» имеются, если что – вон сталкеры свое отдадут для такого дела. Там от всего по кусочку надо, а сборка путевая получается. Мы ее под шоколадку можем сделать или под половину даже. В карман положишь, и мешаться не будет, – обрадовался он своей догадке. – Ага! Тут мы из кусочков на всю Зону сделаем, еще и останется. Пошли, – махнул рукой он Худому, увлекшись идеей, тут же позабыв про Трофима.

Оба парня зашагали наверх, оживленно обсуждая, как и что сейчас будут пилить, кто и что сейчас будет ломать. Калмык, повернувшийся уже обратно и внимательно вникавший в разговор Худого и Рваного, хмыкнул.

– Ну, пацаны! Ну, башковитые, а? – спросил он у Трофима, очевидно, требуя только подтверждения.

– Сам в шоке! – подтвердил Трофим, не кривя душой.

Справедливости ради нужно сказать, что и ученый не сидел без результатов. Он успел набрать образцов, выявил ту самую цепочку ДНК, которая была свойственна *papillosa virum*. Почти такой же неуловимый, свитый один в другой ДНК и РНК, но всего с одной дополнительной цепочкой ДНК, которая могла копировать человеческую, вместо парной, как у известного и распространенного в Зоне *papillosa virum*. Но далее работать с вирусом было невозможно – он просто распадался, разрушая занятые им клетки.

Выявилась следующая тенденция. Вирус захватывал около трети клеток человека, остальные оставляя тронутыми до поры до времени. Тонкая сеть, создаваемая им в теле зараженного, начинала свое распространение от мозга и, бесспорно, управлялась с этого крупного узла. В случае ранения, потери конечности вирус использовал энергию, полученную извне на восстановление структуры своих клеток, клеток хозяина и наращивание клеток соединителей, требуя на это огромное количество сторонней энергии. Эффект восстановления клеток носителя являлся в этом случае терапевтическим, поскольку со смертью носителя продолжительность жизни захватчика становилась лишь вопросом времени. Клетка тела, чья жизнедеятельность контролировалась вирусом, становилась гораздо прочнее за счет более плотной оболочки и менее подверженной к физическим воздействиям извне. Восстановление клеток мозга с сохраняемой в них информацией было таким же непостижимым явлением, как и обычное хранение информации, образов, звуков и запахов в клетках мозга живого человека.

Сам механизм дистанционного переноса энергии от живого объекта к вирусу был не по плечу некробиологу, поскольку тут нужна была работа профильных биофизиков. Несмотря на то, что способов дистанционного переноса энергии человечество придумало множество, эффективность и принцип природного механизма, используемого на клеточном уровне, был в настоящее время непостижим. Зараженный организм мог удерживать и аккумулировать в себе запас энергии только в не захваченных им клетках хозяина. Для долговременного поддержания колонии вируса емкости всех незараженных клеток было недостаточно. Очевидно, это напрямую зависело от количества клеток, следовательно, и от размеров тела носителя. Поэтому вирус требовал постоянной подпитки, используя для этого, разумеется, зараженного, заставляя применять его знания и память. А как иначе? Если носитель не будет обеспечивать паразита питанием, передвигаясь по территории в поисках источников энергии, то данный вирус начнет уничтожать клетки хозяина, приводя естественного носителя в непригодность, а позже погибая уже из-за отсутствия носителя и его возможности передвигаться. Так же верно было и наоборот: если паразит не будет восстанавливать и питать клетки носителя, то носитель погибнет от истощения, а следом и не имеющая возможность эффективно добывать большой объем энергии колония.

Принцип захвата и использования тела, памяти и возможностей носителя также известен в природе, причем этот принцип используют не только вирусы, но и бактерии и даже некоторые грибы, например кордицепс, паразитирующий на муравьях, меняющий их поведение на совершенно не свойственное им. Но впервые, впервые человечество столкнулось или создало наработку, предназначенную для самого себя. Когда на четвертый день Трофим понял это и рассказал Якорю, возглавившему Свободу после ухода Гипса, он долго не мог включить в себе понимание, что люди вывели нечто подобное, неуправляемое и страшное добровольно. Тогда, сидя в кабинете лидера Свободы, он долго пытался сформулировать открытие прежде всего

для себя, и даже когда Якорь уже понял, что именно хотел сказать ученый, тот все равно до конца не верил в сказанное.

Тогда Якорь для определения вируса стал называть его так же, как и бандиты, гнусом, и Трофим в своих записях, обескураженный безжалостным механизмом захвата и управления, дал ему это же название, не забыв отметить, что принцип действия гнуса и вируса псевдопапилломы, также имеющего название некривирус, схож по принципу дистанционного воздействия, но принципиально отличается по принципу избирательности носителя. Если гнус поражает только живого и, судя по всему, здорового и крепкого носителя, имеет инкубационный период порядка двух суток, а после практически сразу же подавляет и захватывает волю, разум и поведение носителя, то некривирус начинает свое действие только после смерти носителя, активируясь при начале тотального разрушения клеточных структур на ранних стадиях. Со временем некривирус в зависимости от того, насколько он мог заменить собой при жизни клетки хозяина, отстраивает и восстанавливает носителя, не перехватывая управления, поддерживая основные функции для выживания в автоматическом режиме в случае отсутствия управления со стороны самого носителя.

Последнюю запись в тетради Трофим делал под шум заклинившего экзоскелета в ангаре. Коваль, уперто тыкая по кнопкам управления и калибровки, никак не мог разорвать логическую ошибку, возникшую в цепи концевиков выпрямления и сгибания ног и рук. Экзоскелет, приседая, тут же начинал вставать, а как только вставал, начинал приседать. То же самое было и с руками: как только он сгибал руки, он начинал их выпрямлять, разводя в стороны, делая движение баяниста. В результате находящийся в экзоскелете сталкер по прозвищу Нюхач, он же бывший Гром, был вынужден приседать и одновременно играть на невидимом аккордеоне, только вот вместо веселой и залихватской песни из динамиков экзоскелета неслись ругань и мат возмущенного, вспотевшего и порядком истерившего сталкера. Нюхач, видя появление любопытствующих, улыбающихся и начинающих похохатывать свободовцев в ангаре, стал опасаться, что его из Нюхача переименуют в нечто другое, совсем не солидное. Например, в Антошку, которому кроме «пойдем копать картошку» предлагали еще и «сыграй нам на гармошке». Но судя по тому, что сталкеров, заглядывающих на шум, становилось все больше и больше, а какая-то довольная сволочь начала напевать «тили-тили, трали-вали» и другие слова известной с детства песни, удивительно попадавшей в такт приседающему с вопящим Нюхачом экзоскелету, а другие мужики подсвистывать и похлопывать в такт ладошами, Нюхачу осталось до Антошки всего ничего, буквально еще двое или трое валяющихся от хохота человек.

Это же сталкеры, с них станется.

Глава 3. Из клетки

Лука мучился от голода. Уже неделя, как он пытался есть человеческую еду, но результат был неизменен. Его рвало, голод не спадал, и ему приходилось иссушать что-либо живое: мутанта, растение, населяющих почву микроорганизмов – все равно. Это случалось произвольно, когда он в какой-то момент переставал следить за собственным поведением. Тогда мучимый голодом организм действовал автоматически, и под ним расцветало черное пятно, уходящее глубоко в землю, уничтожающее все живое, что находилось в этой толще. Он пробовал есть человеческую еду, консервы, старый хлеб, водку, шоколад, которые в избытке валялись в тех местах, откуда они ранее забирали сталкеров, но его мутировавший организм не мог принять хоть что-либо из этого, поскольку его рвало даже от воды, если он пил ее больше чем одну пригоршни. Теперь он, лежа в поле недалеко от ухающих аномалий, в ночи под открытым небом Зоны, пытался успокоиться и уснуть, заставляя себя ощущать холод, ветер и дождь, стараясь вспомнить, как это – быть человеком. Со сном получалось крайне плохо, но в разы лучше, чем с другими человеческими аспектами. Он мог лежать, закрыв глаза, мог уноситься мыслями в прошлое, и, если он мог увидеть что-то светлое из далекого прошлого, пусть даже неясными отрывками, он считал это сном. Это было восхитительно настолько, что он вздрагивал при виде светлых лиц из прошлого, чьих имен не помнил. Но чаще было наоборот. Забвение приносило ему картины подземелий, в которых он блуждал десятки лет, темноту, холодный блеск артефактов, шипение аномалий, жгуций и разрушающий его суть голод и одиночество. Одиночество, безотрывно следящее за ним слепыми глазами стен, ощупывающее его прозрачными лапами аномалий, слушающее мертвыми тропами коридоров и черепами людей. И тогда он тоже вздрагивал и касался прямоугольника бумаги, ведущего его прочь от безумия и тьмы. Заветная фотография была бережно укутана в пластик и была его иконой. Он по-прежнему не мог смотреть на нее долго, боясь сломать себя отчаянием и болью о потерянном, боясь зайтись звериным воем и потерять рассудок, боясь, что его ребенок с фотографии вдруг увидит его, Луку Псараса, в этом жутком и демоническом обличье и... и испугается, заплачет, убежит и никогда уже не вернется к нему, даже в этих редких ярких и теплых воспоминаниях, от которых у него выступала слеза и которые он называл снами.

Как долго он еще будет скрываться здесь, в Зоне? Когда наберется сил, чтобы заявить о себе не как чудовище, а как человеку, действительно попавшем в беду и ищущем поддержки и помощи? Да, он с братьями уже выходил один раз практически на Большую землю, но они ушли обратно с людьми. С захваченными людьми, которых они выкрали и заразили, сделав одной общей... Мысли Псараса остановились, не сумев сформулировать то отвратительное и порабощающее свободу чувство, которое завладевает всеми названными братьями. Он мог только вспомнить вкус того слова, но не его звук. То чувство, когда все ранее ценное и святое перестает существовать, то чувство, когда бесконечный и нестерпимый голод торопит утолить себя, заставляя тело убивать, произвольно, без участия самого человека, но доставляя ему мерзкое наслаждение власти над чужой жизнью, лишая власти над жизнью собственной. Наверное, это можно назвать осквернением. Лука мысленно произнес это слово несколько раз, пытаясь прочувствовать глубину этого слова. Да, это слово подходило. Это слово, так же как и вирус, перекрашивало человека в раба чего-то другого, не свойственного ему при рождении, оставляя на нем неизгладимые печати и отметины, открывая однажды бездну, которая после прохождения по ней, становится домом, а человек – ее обитателем. Больше сотни людей он обратил в свою веру, из которой он смог выйти только чудом. Возможно, он все время искал это чувство свободы, пока бродил в застенках подземной лаборатории, и вот сейчас, благодаря какому-то смельчаку, отыскавшему часть его прошлого, его настоящей семьи, его ребенка, он

смог различить и выделить себя на фоне безумного и пожирающего все Братства, которое он ранее возглавлял.

Лука не заметил, что лежит, открыв глаза, глядя в ночное небо. Сейчас, когда он покинул Братство, у него появилось время, чтобы думать и вспоминать, и это было хорошо. Он был рад, что объединенные силы сталкеров смогли выбить их с территории Ростка, что теперь Братство, скорее всего, не поднимет голову, оставив сталкеров в покое, и люди перестанут гибнуть.

Псарас помнил последние дни в лаборатории. Его мозг, в отличие от мозга других людей, зараженных этим вирусом, находился в темноте и одиночестве больше трех десятков лет, работал четче. Он мог думать о чем-то, кроме постоянно появляющихся симптомов голода, когда нужно срочно восполнить запасы жизненных сил, а затем, когда организм насыщался, страстно хотеть оставить свою частицу другому человеку, поделиться своей верой и скверной, заражавшей быстро и надежно. Но все-таки десятки лет, почти тридцать два года он жил в рабстве у вируса и под его невыносимой протекцией. Странно, почему он не умер. Он и сейчас всецело принадлежит этому вирусу, этому хозяину-паразиту, который кормит его и мучает голодом, который делает его нечувствительным к холоду, боли, но терзает его душу, спрятав память и сделав безобразным тело.

Овод Пустотельй вместе с братьями вот уже несколько суток днем и ночью следил за одним из восточных блокпостов. Места в Зоне им не осталось. Сталкеры показали, что могут дать сдачи так, что вышибут почти все зубы, после чего кусаться по-настоящему уже не хотелось. Теперь Овод видел один способ расширить Братство – распространить его на Большой земле. Но Большая земля огородилась минными полями, колючей проволокой, крупнокалиберными пулеметами и десятками солдат на блокпосту, кроме того, Овод несколько раз видел боевые вертолеты, которые стали патрулировать периметр в разы чаще, чем в то время, когда он был должовцем. Пробриться силой его десятки за периметр было невозможно, сработать хитростью, как это сделал однажды сошедший с ума Старший Брат, сейчас было рискованно. Оставалось только ждать момента и искать удобного случая. Овод уже выяснил время смены постов, приблизительное количество солдат, определил вооружение и огневые точки, испугав стадо кабанчиков и выгнав его туда.

По его расчетам выходило, что преодолевать первое оцепление нужно было ночью с трех до четырех утра. Несмотря на то, что солдаты не спали, их активность вроде курения, негромких разговоров и покашливаний снижалась. В это время ночная Зона скулила и выла охотниками Зоны: слепыми псами, снорками, кровососами, псевдособаками; редела и крушила подлесок псевдогигантами, стрекотала и визжала кабанами и плотями, отстаивающими свое право на жизнь. Тогда обычный человек до жути боялся поднять голову из схрона или привлечь внимание мутантов, даже находясь за бетонным забором, минным полем под прикрытием пулеметов, друзей и товарищей.

Тут Овод был спокойнее. Возглавив Братство и не охотясь за людьми, чтобы не быть обнаруженным потенциальными карательными отрядами сталкеров, он сосредоточился на плане выхода из Зоны. Главная задача Братства была пробиться к слепому участку забора, занятому колючей проволокой, туда, где уже невозможен прямой прострел, только бросок гранаты, и оттуда душить одного за другим солдатом, расчищая себе путь к Большой земле. Овод помнил, что за первым оцеплением стоит второе, менее заряженное оружием и крупным калибром, но к тому времени, как они приблизятся к нему, в воздухе уже будут вертолеты, танки, и БМП будут уничтожать их с земли, а людей, по всей вероятности, они и не увидят, поскольку те будут работать по ним из минометов либо доставать из далеких гнезд вышек снайперов. Если до второй линии надо было дожить, то до первой дойти через минные поля и колючую проволоку, которая была вовсе не проволокой, а лентой, изготовленной специально для Зоны, не знала

жалости и пощады, скручиваясь и наматываясь на все живое, что потревожит ее вынужденное фиксированное, но неустойчивое положение. Мины были не самым страшным препятствием. Они с братьями могли различать неравномерное расположение жизни в почве. Находящийся в земле камень и железо выделялись на общем фоне, если внимательно присмотреться, но мелкие растяжки, бумажные и пластиковые сигнальные пакеты было сложно выделить. Колючую проволоку можно было обезвредить болторезами, которые у них нашлись среди накопленного добра от предыдущих побед, а температуру тела снизить, чтобы меньше влиять на инфракрасные датчики. Для этого нужно будет идти наполовину голодными, но это не являлось сложностью, когда был важен вопрос незаметности. Далее нужно будет захватить транспорт, как можно скорее форсировать вторую полосу заграждения и раствориться на местности, если понадобится, закопавшись в грунт, пока их будут искать. Тут у Братства было серьезное преимущество: они могли прожить там, где не сможет выжить никто.

Овод неоднократно все обдумал заранее, и вот сейчас, идя в ночи и тумане в километре от бетонной линии забора, ждал внутреннего сигнала, когда их тела остынут достаточно, чтобы начать движение. Метров через двадцать начинались первые, пока еще редко посаженные мины и сигнальные устройства. Туман, возникающий в Зоне в любое время суток, клубясь и вращаясь, оседал на его пятнистом лице каплями росы, расселившись даже на роговице мелкими выпуклыми капельками, преломляя картину. Братья, безоружные и в легкой одежде, стояли позади Овода, молчаливые и готовые к действию, – ночь не являлась препятствием для их возможностей. Сейчас им не нужно было видеть что-либо, им нужно было чувствовать все и вся. Каждую пядь земли, каждое движение жизни на пределе их возможностей восприятия, мельчайший шум и шорох шагов. Наконец Овод почувствовал голод и вместе с тем стремительное падение температуры тела. Пора. Он встал и медленно, перекатывая с пятки на носок, ощупывая каждый клочок земли босой ногой на посторонние предметы, способные издать звук, двинулся в сторону блокпоста. За ним с отрывом в десять шагов пошел следующий, за ним с тем же отрывом другой. Прожектора начинали освещать только ближайšie метров двадцать к забору, а в наступившем тумане они скорее мешали солдатам наблюдать за темнотой, вывешивая яркие столбы света, не дающие никакой картины происходящего на земле за ними. Зона словно помогала зомби, этим мучителям территории, покинуть ее пределы. До забора было еще далеко. Светящийся жизнью, словно зимнее ночное небо, темно-синий с фиолетовыми проблесками фон земли показывал черные круги мин сначала редко, а потом все чаще возникающими на пути. Нити растяжек были невидимы, но непросвечиваемые одинаковые сгустки посторонних предметов, взрывпакетов в траве и почве показывали возможное расположение проволоки, которые Овод старательно перешагивал. Братья следовали за ним, видя, как его движения, так и вырисовывающуюся картину минного поля. Действуя тихо, медленно и без ошибок, зомби продвигались по минному полю. Колючая проволока, несколько раз преградившая путь идущему первым Оводу, перекусывалась со зловещим шелканьем болторезом и безвольно падала короткими отрезками на землю, освобождая путь.

Размытые туманом световые пятна прожекторов медленно приближались, маня близостью и пугая дистанционно управляемыми пулеметными гнездами, глазками камер и детекторов. Пройти мимо них было невозможно. В любом случае нужно было пройти под прожекторами, мимо сканирующих лучей детекторов движения и тепла, идти прямо на пулеметы и утопленные жерла огнеметов. Овод подал команду жестом руки, стоя в нескольких метрах от светового столба. Следующие за ним колонной зомби разошлись веером, встав параллельно забору на расстоянии пары метров друг от друга, чтобы по сигналу одновременно пересечь освещенную черту, за которой начнется праздник гремящего металла, ревущего огня и жадных невидимых рук зомби, тянущихся к одеялам жизни солдат. Овод пересчитал своих – вместе с ним десять. Это то, что осталось от более чем сотни членов Братства, но ничего, дело времени,

и Братство снова засияет силой и мощью, зато теперь их будут тысячи, десятки и сотни тысяч. Он, Овод Пустотелый, принесет эту не веру, но знание на Большую землю.

Окрыленный этими мыслями он усмехнулся одним уголком рта и шагнул в световое пятно, стремительно сокращая расстояние пары десятков метров до бетонного забора.

Сидящий за экранами монитора дежурный, вместе со своим напарником, лениво откинувшись в кресле, наблюдал за пустыми камерами, в которые виден был только желтоватый из-за света прожекторов туман. Частицы тумана лениво шевелились движением воздуха, иногда летя вниз, иногда, подхваченные легким ветерком поднимались, заворачивая спирали, и снова опадали вниз. Взгляд солдата не выражал ничего – он с тем же успехом мог смотреть в стену. Это был профессиональный взгляд дежурного, сотни часов смотрящего в одни и те же мониторы, но никогда ничего не наблюдавшего в них.

– Саня? – окликнул он напарника, который увлеченно ковырялся в носу, отсутствующим взглядом глядя в стол перед собой.

– Че? – отозвался тот, не прерывая занятия.

– Я схожу отолью...

– Не положено, – разглядывая козюлю при свете настольной лампы, ответил Саня.

– Да иди ты... не положено ему.

С этими словами солдат отодвинул стул, встал и пошел в уборную, боязливо выглянув в коридор, опасаясь увидеть безжалостного сержанта по прозвищу Гоблин или старшего лейтенанта по кличке Выдра, названного так по той причине, что отодрать и выдрать он может кого угодно, даже Гоблина, если вверенные ему солдаты нарушают дисциплину или вообще хоть что-то, что может и не относиться к дисциплине. На счастье солдатика, никого в освещенном коридоре блокпоста с несколькими комнатами классов и кабинетами не было, и он, поскрипывая сапогами, двинулся в туалет. Сделав свое дело, он, воровато озираясь, пошел обратно в дежурку, где должен был дожидаться Санька, но, войдя в комнату, он увидел сидящего по стойке смирно в своем стуле Санька и развалившегося в его кресле сержанта Гоблина, чья лысая большая голова со шрамами от табуретов и дурацкая, зловещая широкая улыбка говорили в лучшем случае о нескольких нарядах с натиранием очка в сортирах.

– Ты что, рядовой Тушин, покинул пост? – спросил он, перестав улыбаться.

– Виноват, товарищ сержант. Живот прихватило что-то... – опустив голову, соврал Тушин, пытаясь всем своим видом показать глубину раскаяния, страх и понимание собственной ошибки. Впрочем, страх разыгрывать не пришлось, потому что страх перед Гоблином испытывал всякий прошедший учебку солдат.

– Ты что, питаешься тут, значит, чем-то отдельно от коллектива? – прищурился сержант.

– Никак нет, – вытянулся солдат, недоумевая, почему Гоблин сделал такой вывод.

– Так, а что же тебя в сортир несет, а других никого не несет, а? – повышая голос, спросил он. – Никак жрешь чего не по уставу? А? Сознавайся.

– Никак нет, – чистосердечно признался рядовой Тушин.

– Так, значит, это повара плохо готовят? – озлобился Гоблин, зная, как завернуть разговор. Поворачивая диалог таким образом, он мог довести проступок солдата до шикарных нарядов вне очереди или до гауптвахты по усмотрению.

– Никак...

– Так, значит, ты самовольно ушел, оставив своего товарища на посту? И далеко ты собирался? За водкой?

– Никак нет, – смиренно отвечал Тушин, проклиная себя за то, что дернулся в туалет.

– Или ты считаешь, что твой товарищ должен нести службу и за себя, и за тебя? То есть ты игнорируешь служебные обязанности? Дисциплину и порядок несения службы нашего поста?

Рядовой молчал, понимая, что его «никак нет» не влияют на вынесенный сержантом вердикт. Гоблин открыл было рот, чтобы сказать еще что-то страшное, но тут ерзающий на своем месте Санек осторожно подал голос.

– Товарищ сержант, разрешите обратиться, – робко сказал он, глядя на монитор и ряд замигавших красных лампочек.

Гоблин обернулся на него, сверкнув взглядом.

– Тут люди какие-то идут.

– Где? – выдохнул Гоблин, мгновенно развернувшись на стуле и вперившись в засвеченные туманом световые столбы, отображенные на экранах.

На экране виднелись силуэты людей, уже миновавших световое пятно прожектора и подходящих к забору, до которого оставалось с десятков метров. Сержант отвалил челюсть и через секунду сорвал защитную прозрачную крышку на большой блестящей красной кнопке и с силой ударил по ней, с открытым ртом наблюдая, как неизвестные безоружные люди двигаются прямо под камеры наблюдения. В то же мгновение затрещал звонок тревоги, коротко и агрессивно заухала сирена, поднимая на ноги солдат, офицеров и передавая сообщения по цепи о чрезвычайной ситуации. Тотчас в дежурке зазвонил телефон.

– Майор Князев, что у вас случилось?

– Сержант Нечаев. Чрезвычайная ситуация: неизвестные на минном поле, – вытаращив глаза, глядя уже в пустые экраны, ответил Гоблин.

– Ну так уничтожьте их, сержант!

– Есть уничтожить! Огонь! Огонь! – заорал он на дежурного, брызгая слюной.

Дежурный кивнул, сглотнув пересохшую слюну, и нажал на ряд кнопок на панели, активировав огнеметы и автоматические пулеметы. Экраны слегка задрожали, передавая вибрацию установленных недалеко от опоры камер орудий, и окрасились заревом огнеметных шлейфов, запоздало ударивших в темноту между забором и световым пятном. Одновременно послышался грохот пулеметов, крики испуганных солдат. Дверь в дежурку открылась, и вошел старший офицер блокпоста, капитан Ранев Константин Николаевич в полной форме.

– Товарищ капитан! – заорал Гоблин, вытянувшись в струнку, одной рукой прижимая телефон к груди. – Неизвестные пересекают периметр. Мы открыли огонь.

Капитан протянул руку и взял трубку.

– Капитан Ранев, – доложил он, хмуро глядя на пустые экраны мониторов, показывающих горящую и дымящуюся пустую землю.

Стол пульта управления, на который сводились данные датчиков, кнопки включения и выключения пулеметов, приближения и управления камерами и другое, непрерывно мигал лампочками тревоги. Пулеметы продолжали стрекотать, расстреливая воздух, шаря в темноте по алгоритму, заданному по умолчанию программой. Капитан указал на кнопки управления пулеметов, жестом приказывая выключить бесполезный огонь по невидимому противнику. Очереди смолкли, создав напряженную тишину неизвестности.

– Пока пусто. Так точно. Выясним, товарищ полковник. Да, вертолеты нужны. Есть, – он повесил трубку, снял фуражку и погладил волосы. – Докладывайте сержант.

Им удалось миновать световые пятна и дойти до бетонного забора, у подножия которого крупными кольцами лежала растянутая упругая колючая лента, обещающая обездвижить любого, потревожившего его. Болторезов было всего два, а времени на разрушение этого препятствия совсем не много. Внезапно запоздало проснулась сирена и бессмысленно заголосили пулеметы, посылая смертельные плевки далеко за спину сквозь свет прожекторов, зажужжали и вспыхнули ревом пламени огнеметы, освещая, но не в силах дотянуться до зомби, передающих друг другу инструмент, чтобы расчистить место возле забора. Один из братьев, случайно

оказавшихся напротив жерла огнемета, вспыхнул, но, упав на землю и перекатываясь, тушил себя землей, пока наконец жадное пламя, не получив поддержки для горения, не потухло. Военные не спешили появляться над головами. Их движение за стенами было очевидно для братьев. Они видели, как далекие и едва уловимые силуэты солдат становились ярче, просвечивая через окна корпуса, а затем начали приближаться к ограждению, собираясь занять свои посты. Это не входило в планы Овода. Солдаты не должны обнаружить их и начать бой с ними на неудобной для них дистанции, поэтому Овод, вытянув руку, начал хватать и тянуть на себя красные одеяла жизни, наполняясь силой и пьянея от восторга насыщения. Солдаты падали один за другим. Кто-то успевал вскрикнуть, кто-то нет.

Пулеметы и огнеметы прекратили бесполезный огонь. Братья, освещаемые горячей и дымящей за их спинами землей, подобно безмолвным, страшным человекообразным клещам, приросшим к забору, убивали солдат и кормились человеческими жизнями. Скоро у них уже не было возможности впитывать жизни, и они просто сдергивали красные прозрачные покрывала, заставляя людей терять сознание. Красные покрывала жизни, покачиваясь на толстых энергетических нитях, идущих от нескольких центров крепления на теле человека, медленно возвращались обратно к телу, но их обратный путь был очень долог. Скоро в пределах досягаемости не осталось ни одного способного передвигаться солдата. Зомби перерезали колючую проволоку, натянутую поверх бетонного забора, и перелезли через стену, оказавшись на внутренней стороне блокпоста. На земле в разных позах лежали солдаты, освещаемые электрическими фонарями. Кто-то высох и превратился в черную мумию, кто-то лежал ссохшимся стариком, лишенным жизненной силы, кто-то, посерев лицом и покрывшись паутиной морщин, был без сознания. Овод и братья коснулись языка и десен тех, кто вскоре придет в себя, передав им частицу Братства. Они вряд ли переживут перевоплощение, но если кто-то из них и сможет, то скоро они найдут его или он – их.

Один из братьев, бывший военный, метнулся в дежурную часть и спустя несколько минут вернулся с ключами от БТР-80. Зомби под записывающим взглядом видеокамер наблюдения согласованно двинулись к стоящему под навесом транспорту. А в воздухе уже был слышен рокот долетающей пары вертолетов Ми-28Н «Ночные охотники», летящих вдоль бетонной линии забора с южной стороны. БТР включил фары, рыкнул двигателем и рванул с места, разбив хлипкий для него шлагбаум с восьмиугольным знаком стоп, знаком радиации, знаком запрета телефона и фотоаппарата, стремительно покидая территорию, заваленную человеческими телами в сторону второй линии оцепления Зоны от Большой земли.

«Ночные охотники» настигли их через несколько минут, когда Братство было на полпути ко второй линии оцепления Зоны. Идя параллельным курсом в полусотне метров от него, они схватили прожекторами и системами ПТРК «Штурм-В» несущийся во весь ход БТР.

– Берег два, Берег два. Цель захвачена, – сухо доложил летчик.

– Понял тебя, Небо Один. Жди приказа, – ответили ему.

Не понятно, что делали штабные. То ли просматривали записи, то ли хотели уничтожить БТР на подходе ко второй линии, чтобы пехота могла в случае чего добить пулеметами из укрытия, но транспорт несся с максимально заявленной скоростью в восемьдесят километров час по асфальту, не открывая огонь и не сходя с дороги. Овод, сидящий рядом с водителем, прекрасно видел вертолет через открытые люки. Он демонстративно не стал расчехлять и поворачивать пулеметы, понимая, что его сила не в показе своей боеспособности, а в максимальном сокрытии своих возможностей, и, как только вертолет выровнялся и пошел параллельным курсом, готовый к пуску ракет, он приказал выключить двигатель и на нейтральной катить по шоссе, ожидая, что медленно останавливающаяся машина позволит выиграть время. До второй линии осталось всего пара километров.

– Берег Два, нарушитель заглушил двигатель, теряет скорость, – доложил летчик, держа палец на кнопке пуска радиоуправляемых самонаводящихся ракет. Голос штаба в шлемофоне

цыкнул помехами и затих. – Не понял, Берег Два, повторите, – переспросил летчик ведущего борта.

– Подождем. Уничтожить успеем. Надо выяснить, кто это, – сообщили ему.

Тем временем БТР, несмотря на начальную значительную скорость, медленно останавливался, пока не затих совсем в полутора километрах от выдвинутых ему навстречу железных ежей. – Что видишь, Небо Один? – забеспокоился штаб.

– Транспорт остановился. Движений не наблюдается, – доложил летчик, зависая вместе со вторым вертолетом над транспортом во все еще ночном небе.

От поста второй линии выдвинулся точно такой же БТР-80 и два военных внедорожника с крупнокалиберными пулеметами на крышах. Выставив на крышу синие проблесковые маячки, они понеслись к вставшему посреди ночной дороги транспорту, вероятно, решившему сдаться. БТР заграждения встал в десятке метров перед угнанным БТР, а внедорожники, нырнув в неглубокий кювет, обошли коробочку сзади и встали позади нее в паре десятков метров.

Овод спокойно ждал. Противник сделал недопустимые ошибки, и теперь все его шаги вели к поражению. Нужно было только выяснить, все ли, кто хотел их остановить именно сейчас, собрались в зоне досягаемости братьев. Из внедорожника выскочили солдаты и рассредоточились, держа транспорт на прицеле.

– Небо Один, Небо Два, – очнулся голос из штаба, – при сопротивлении открывай огонь.

– Есть, – ответил пилот первого борта.

– Есть, – подтвердил директиву пилот второго борта.

Оба борта, качнув лонжеронами, заняли позиции справа и слева от угнанного БТР. Из внедорожника с трудом вышел офицер в тяжелом бронезилете «Вызов», держа мегафон в руках. Он отдалился от машин в сторону стоящего безмолвно бронетранспортера и приставил мегафон ко рту. Зомби уже успели пересчитать через тонкий металл количество человек, окруживших их, и были готовы сорвать их оболочки в любой момент по сигналу Старшего Брата. Вертолеты, застывшие в двадцати метрах, были первоочередными целями, за ними люди, находящиеся в БТР, преградившем дорогу, а дальше остальные военные, не имеющие, в отличие от сталкеров, никакой защиты от них.

– С вами говорит майор...

Он не смог закончить фразу. Сидящий за восьмимиллиметровой броней, не являющейся преградой для их возможностей, Овод кивнул. Вертолеты, потеряв управление, завалились на бок и, ломая лопасти о землю, рухнули вниз, продолжая работать двигателями. Солдаты и офицер, дрогнув телом, сторбились и, уронив оружие, без сил опустились на землю, с тихим выдохом уходя в забвение. Зомби уже не могли впитывать энергию, поэтому все люди останутся живыми и практически здоровыми до поры до времени. Задние двери БТР распахнулись, и в темноте, разбиваемой теперь только фарами колесной техники, появились люди с пятнами на лице, кажущимися черными кляксами. Не теряя времени, они пересели на внедорожники и, не выключая синих проблесковых маячков, поехали в сторону блокпоста, второй линии с бегающими солдатами и занимающими свои места в гнездах низких, коренастых вышек пулеметчиками.

Два джипа с неизвестными были встречены яростным огнем блокпоста. Но на этот раз и братья открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов по двинувшимся закрывать отодвинутые ранее противотанковые ежи солдатам, не дав им закончить начатое. Встречные пули пробивали капот, стекла и строчащих из пулеметов зомби, но не могли остановить транспорт. У одного из джипов загорелось масло, но он продолжал нестись на открытую лазейку к Большой земле, окутывая черным облаком стреляющего из пулемета мертвеца. Попадания становились все чаще и чаще, но машины, потерявшие из разбитого блока и масло, и охлаждающую жидкость, без фар летели, как чудовищные адские колесницы войны, безостановочно стреляя из пулемета, вспышки выстрелов которого едва пробивались через смрадный дым. Через

короткое время дымящиеся внедорожники с бьющимися в последних механических судорогах моторами влетели на территорию блокпоста, врезавшись в выставленные им навстречу уже на территории блокпоста ежи. Из машин выскочили черные от копоти и в разорванных одеждах зомби с пробитыми, как решето, грудными клетками, вспученными попаданиями головами и изуродованными лицами, от вида которых в жилах стыла кровь. Но с каждым падающим на вышке или за укрытием солдатом их раны затягивались, движения становились легче и уверенней, они подбирали автоматы, лежавшие возле превратившихся в мумий солдат, и двигались в сторону казарм и штаба, нащупывая что-то своими конечностями, иногда резко поворачивая головы в сторону видимых только им силуэтов людей за стенами и укрытиями. Через несколько минут блокпост затих. Только в комнате связи истерично запрашивал помощи дежурный.

Овод резким взмахом руки остановил следующих за ним братьев и двинулся в сторону комнаты связи. Распахнув ударом ноги деревянную дверь, он вошел в хорошо освещенное помещение, где за пультом сидел перепуганный младший лейтенант. Комната пять на три метра наполовину была занята огромным пультом со множеством экранов, показывающих как территорию этого блокпоста, так и территорию пройденного зомби блокпоста первой линии. Всюду на экранах виднелись хаотично лежащие безвольные фигуры, черные куклы истощенных смертью солдат, не приходящие в сознание, едва дышащие старики и закатившие глаза постаревшие бойцы, которым по документам было чуть больше двадцати лет. Лейтенант, расширив глаза, уронил трубку и коротко задыхал, глядя на выпотрошенного и покрытого крупными коричневыми пятнами зомби, с чудовищной улыбкой смотрящего на него. Овод кивнул рядом стоящему брату по прозвищу Дик, которое он носил еще до вступления в Братство.

– Добро пожаловать в Братство, – сказал Дик.

Овод сделал шаг и вдавил палец сквозь губы, коснувшись слизистой десен офицера, как будто не заметившего этого движения, продолжавшего в ужасе смотреть на стоящего перед ним. Зомби усмехнулся, развернулся и вышел из комнаты. За ним вышли и остальные. Не веря в произошедшее, дежурный еще несколько минут сидел не шевелясь, пока не понял, что две лежавшие на своих местах трубки разрываются звонком. Подняв трубку, он несколько секунд слушал говорящего, потом, слотнув слюну, хрипло произнес:

– Младший лейтенант Салугин на связи. Я не знаю, кто это был, – он посмотрел на экраны видеонаблюдения, которые показывали, как два джипа из гаража выезжают с территории блокпоста в сторону. – Они выезжают по трассе на Иванково, – сказал он, расстегивая верхнюю пуговицу кителя.

По всему телу у него выступил холодный пот, глаза заслезились, а сердце, словно раненая птица, забило неглубокими и неравными промежутками.

– Вас понял, собрать личный состав и преследовать, – сказал он.

Не понимая, что с ним происходит, он встал, хватаясь за стол от пошатнувшейся вдруг земли и предательски дрогнувших ног, сделал несколько шагов по направлению к двери и сел на пол от неожиданно накатившей слабости. Выдохнув и помотав головой, он собрался и встал. Держась за стенку, он вышел из дежурной комнаты и пошел на выход из здания. Странная слабость, не похожая ни на что другое, заставила сесть на крыльцо. Хватая воздух ртом, он оглядывал лежащих без сознания и мертвых боевых товарищей. Уже не имея сил встать, он на четвереньках пополз к ближайшему, который, как ему показалось, издал какой-то звук. С трудом добравшись до него, он заглянул ему в лицо, но вместо знакомого старшины увидел пересеченное морщинами стариковское лицо. Вскрикнув от ужаса, младший лейтенант отпрянул, встал, чтобы бежать, и даже сделал несколько шагов, но тут же рухнул, потеряв сознание.

Над ним в летней августовской ночи беззаботно шумели листвою тополя. Теплая ночь слепыми пальцами ветра водила по опустевшему блокпосту, нагоняя вместе с влагой тучи, несущие обычный ночной дождь для Большой земли, которая никогда не слышала воя слепых псов и кровососов, вкрадчивых дыханий аномалий и тяжелой поступи псевдогиганта. Но

лучше бы Зона вышла из своих проволочных берегов и бетонной окантовки на Большую землю, чем то, что однажды породил гений человека.

Глава 4. Болото Большой земли

– Алле, народ, хорош толкаться! – крикнул сталкер, пробиваясь через толпу гомонящих мужиков, столпившихся возле ангара на Базе Свободы.

Народ перед ним неохотно расступался, вытягивая шеи в сторону стоящего на бочке Якоря, который, согласно имеющемуся у него списку, раздавал сборочный артефакт, названный «муха». «Муха» с большой натяжкой соответствовала внешнему виду этого насекомого, и только с большой долей воображения можно было разглядеть в сборке два соединенных между собой небольших осколка «кристалла», «снежинки», выполняющих роль брюшка и головы, между которыми темно-синим образным промежутком груди мухи был кусочек артефакта «бабушкин клубок», а покрытая сверху полупрозрачной «слиудой» застывшая субстанция должна была изображать крылья насекомого. Всего сборка была чуть более спичечного коробка, легко помещалась в любом кармане сталкера, а главное, надежно защищала его от воздействия мертвецов, что гнуса, что Воскресших.

Якорь, возглавивший группировку Свободы, здраво рассудил, что потеря сталкеров в Зоне в пользу гнуса или, как они себя назвали, Братства, в конечном счете будет дороже самой Свободы, поскольку все обращенные в Братство рано или поздно направят оружие и мысли на Армейские склады. Поэтому в интересах собственной группировки, помня о том, что в боине на Ростке выступали и принимали участие все, даже бандиты, они приняли решение обеспечить всех защитой. Также Якорь помнил о дорогостоящем вкладе Сидоровича, в связи с чем отправил ему в бункер тридцать «мух» в упаковке из фольги, придав артефакту чуть ли не подарочный вид. Зона не любит жадных. Худой и Рваный вычислили эффективный размер сборки, и теперь с учетом возросшей мощности артефакта и меньшего количества материала для сборки поставили производство на поток, создав сначала сотню, а потом с запасом еще одну. Весть о том, что Свобода выдает защиту от мертвецов, заставила даже самых отмороженных и нелюдимых сталкеров прийти в обозначенное время в Армейские склады. В список входили в первую очередь друзья Свободы, те, кто сражался на Ростке и снабжал редкими артефактами сборщиков, включая должовцев и бандитов, во вторую – те, которые были живы и участвовали в перетаскивании раненых, восстановлении укреплений и появились сразу после сообщения о победе на Ростке. Все остальные сталкеры, которые не были замечены ни там, ни там, также получали свой артефакт, но после всех остальных.

Отдельно от всех стоял квад Долга в полном вооружении. Теперь после взятого когда-то Гипсом направления поддерживаемая Большой землей Свобода не являлась прямым противником Долга, а смерть Ростка также прервала ряд претензий к группировке зеленых. Памятуя о беспрецедентном шаге Свободы на пути к освобождению Ростка от общей угрозы, Терек, нынешний лидер Долга, предпочел зарыть топор войны глубоко в землю, но ситуация для бойцов Долга все равно была напряженной, и они держались особняком, дисциплинированно дожидаясь своей очереди.

– Зима! – крикнул Якорь.

– Здесь! – закричал, протягивая руку, сталкер, стоящий практически возле его ног.

– Держи, молодец! – протянул ему Якорь артефакт, делая отметку в списке.

Сталкер зажал артефакт в руке, победно потряс им над головой и, открыв рот, радостно закричал что-то своему соседу, похлопывающему его по спине.

– Крот! – крикнул Якорь.

Никто не ответил, перебивая дружный гомон или прибываясь к бочке, как обычно должно быть.

– Где Крот? – нахмурившись, крикнул лидер Свободы.

– Он тут, под ногами, лопатой копать надо! – закричал кто-то из сталкеров.

– Я же его видел сегодня, – пробормотал Якорь, оглядывая толпу.

Затем он разглядел спешащего к толпе полного мужичка, на ходу застегивающего штаны, которые упрямо сползали с пояса, обнажая белый живот и глубокую ямку пупа. Сдерживая улыбку, он дождался, пока постоянно оглядывающийся на посмеивающихся над ним сталкеров Крот пробьется через толпу.

– Держи, Крот, копай дальше.

Крот, приняв одной рукой артефакт, а другой придерживая так и не застегнутые штаны, с трудом принялся расчищать себе обратную дорогу. Якорь перевернул один из листков и нашел глазами черно-красных.

– Терек, Поляна, Алтын, Шаман, Гусь... Так еще, еще, еще... – он пробежал глазами список. – Сорок человек, это те, кого мы лично в деле видели. Кто принимать будет? – обратился он к черно-красному кваду.

– Я, – поднял руку командир квада с АК. – Жерех.

Якорь углубился в список. Найдя в списке Жереха, он сделал пометку и, повернувшись, принял из рук Рваного коробочку из-под обуви, перемотанную лентой. Сталкеры немного притихли и разошлись, давая долговцу достаточно места для прохода к бочке.

– Держи, боец, – сказал Якорь, подавая коробку, – здесь сорок штук, по списку. Если кому еще надо будет из ваших, пусть сами приходят – не обидим.

Долговец сдержано кивнул и, стараясь сдержать довольную мину на лице, пошел обратно.

– Командир, там на вольных сталкеров хватит? – забеспокоились мужики.

– Хватит, хватит. На всех хватит, – успокоил их Якорь и вновь вернулся к списку.

Спустя час раздача артефактов сталкерам была закончена. Получившие свой защитный предмет мужики с довольными криками и мордами отправлялись обмывать это дело. Бандиты не явились, но Якорь не спешил вычеркивать их из списка. Предназначавшийся им кулек с «мухами» был припрятан до прихода их представителя. Вне списка, а если пояснить, сталкеров, не замеченных Свободой в деле, осталось на площадке около двадцати человек. Не понятно, где они скрывались во время последних событий: в схронах по принципу «моя хата с краю» или в дальних ходках, которые на тот момент закончили все благоразумные сталкеры, но притихшие и настороженно поглядывающие друг на друга и на Якоря мужики не расходились, ожидая своего камушка.

– Так... – хмуро окинул взглядом толпу лидер Свободы. – Остался третий пункт, – он взял чистую бумажку, сел на бочку, на которой стоял до этого, и приготовился записывать. Давай, мужики, подходи по одному. Записываю, чтобы по второму разу не приходили.

– Гузон, – подошел первый сталкер – крепкий мужик в бывалом, выцветшем комбинезоне «Заря», носящем следы многочисленных, но аккуратных ремонтов, солевых пятен с притороченным к поясу подсумком с противоголомом.

– Гу-зон, – повторил вслух, записывая, свобододец, затем поставил напротив галочку и протянул артефакт.

Мрачное лицо Гузона просветлело, он взял «муху» и бережно спрятал во внутренний карман комбинезона. Было видно, что он хотел что-то сказать, но сдержался и, непроизвольно набычившись, ушел в сторону.

– Лоток, – шмыгнув носом, подошел другой сталкер, мелкий мужичонка, одетый абы как, с тощим рюкзаком на спине. – Я хворал, Якорь. Я бы сразу пришел, только...

– Ладно, ладно, – остановил его затроившее бульканье свобододец. – Держи. Свободен.

– Ага, – слегка кланяясь и быстро принимая артефакт, сказал мужичонка. – Я, если что, всегда...

– Следующий, – не глядя, перебил его Якорь.

Кабинет для совещаний министра по чрезвычайным ситуациям. Большой овальный из светлого дерева с ромбическими вставками красного стол со встроенными кнопками коммуникации, портами и микрофонами, высокие неудобные стулья, в которых нельзя удобно откинуться на спинку и приходится всегда сидеть со строго выпрямленной спиной. Широкий экран с картой Зоны и мигающими на ней красными маячками, несколько узких низких тумб непонятого предназначения вдоль стен. За столом сидело с десяток человек, во главе, ближе к экрану, сам министр по чрезвычайным ситуациям в гражданском костюме, который держал в руке ручку. Нависая над расположенным перед ним белым листком бумаги, он напряженно слушал доклад одного из присутствующих в военной форме в чине генерала.

– ...не доезжая до населенного пункта Иванково. Была послана специальная десантно-штурмовая рота на прочесывание лесного массива, два кинологических отряда. В настоящий момент ведутся поиски нарушителей.

– Другими словами, ничего у вас нет, товарищ генерал? – не поднимая головы, хмуро спросил министр. – Плохо.

Министр окинул присутствующих взглядом и задержался на сидящем справа от него человеке лет тридцати пяти. Одутловатое лицо, короткие ржаные волосы, тщательно расчесанные на пробор, пухлые щеки, небольшой нос, по-разному торчащие уши и яркие голубые глаза. Глаза удивительно внимательные и наполненные. Складывалось такое ощущение, что этот человек привык много и убедительно говорить, при том что у него всегда было что сказать. Одновременно человек с такими глазами мог много и внимательно слушать, его слегка прищуренный взгляд улавливал мельчайшие детали в собеседнике. Человек, в отличие от остальных военных, был одет в синий деловой костюм, белую рубашку и кремовый галстук с синими диагональными полосами.

– Ну, а вы что скажете, Алексей Викторович? Это же и ваша юрисдикция тоже. Что внутренние каналы сообщают?

– Внутренние каналы в настоящий момент не владеют информацией, но, возможно, это остатки... – тут голубоглазый прервался, подбирая слова, – инфицированных людей. Недавно, как Вы знаете, Зона была перекрыта по причине появления нового вида инфекции, и вот, видимо, ее носители смогли преодолеть линию заграждения.

– Алексей Викторович, Вы так легко говорите об этом, как будто они в соседний лес у себя в Зоне перешли. Это же Периметр. Вы понимаете, что они прорвали Периметр?

– Простите, но охрана Периметра – это не моя ответственность. Моя ответственность...

– Знаю, знаю Вашу ответственность. Изучение Зоны без вмешательства. И что это за инфекция? Насколько она опасна? Почему больные смогли сделать подобное? Почему такие большие потери? У Вас же целый бункер ученых работает там. «Янтарь», по-моему, называется, верно?

– Так точно, «Янтарь», – утвердительно ответил голубоглазый. – Но на момент вспышки инфекции мы эвакуировали весь персонал, поэтому точно не можем сказать, что именно за инфекция возникла в Зоне.

Один из присутствующих поднял руку.

– Говорите, – дал ему слово министр.

– В нашем госпитале после контакта двое зараженных. Мы прилагаем все усилия, чтобы спасти их, но пока можем только замедлять ход инфекции. Полагаю, что инфекция очень опасна, и нужно объявить эпидемиологическую угрозу.

– Я вас понял, – закрывая глаза и устало потирая лоб, ответил министр. – Но не можем мы сейчас так просто поднимать тревогу, не разобравшись, в чем дело. Так... Алексей Викторович, и за каким лядом эта ваша инфекция поперлась из Зоны к нам? Мы для того и держим Зону, чтобы вся эта свистобратия там варилась с этими вашими сталкерами.

Видно было, что министр постепенно теряет терпение, чувствуя, что от него что-то скрывается.

– Что-то же должно быть известно? Обстановка в Зоне нормализовалась? Инфекция подавлена?

– Да, подавлена, – смутившись, ответил голубоглазый.

– Ну вот, видите, что-то да известно. И как? Какой рецепт? Давайте сделаем то же самое и задушим ее здесь.

– Понимаете, господин министр, мы не принимали участие в подавлении вируса. Это сделали сталкеры.

– Так, стоп, – требовательно поднял руку министр, затем откашлялся. – Господа генералы, пожалуйста, оставьте нас на полчаса.

Дождавшись, пока военные, за исключением одного, сидящего слева от министра, делая каменные лица, выйдут, он скинул с себя весь выдержанный тон и, развернувшись к голубоглазому, спросил, глядя в упор:

– Алексей, какого собачьего хрена ты тут строишь? Выкладывай, мудрило, что происходит!

– Виктор Степанович, вы извините, не могу я при них в открытую говорить, – признался Алексей.

– Вижу, теперь можешь. Валяй, время дорого, – скомандовал министр.

– В общем, это новый вирус, не тот, что мы изучали на «Янтаре» и по которому у нас есть материалы и наработки. Это новое. Не знаем, как и что именно происходит. Местная группировка «Свобода» держала несколько пойманных в клетке, но они умерли от голода в течение суток-двух. Исключительно сильное влияние на человека. За короткое время вирус подчинил себе около сотни носителей, они даже смогли выбить Долг из Ростка...

– Выбить Долг? – изумился министр, поднимая брови. – Почему я не в курсе?

– Вас не было на месте, кроме того, сталкеры, объединившись, почти сразу же выбили их обратно. И вот теперь эти носители, или, как их еще называют, зомби, прорвались через периметр.

– Алексей, ты мне это свое ребячество брось, – постучав по столу толстым указательным пальцем, сказал Виктор Степанович. – Я тебя с училища помню, еще батя твой говорил, что ты в мать пошел. Какие к чертям зомби? Ты что, книжек дурных начитался?

– Никак нет, Виктор Степанович, – ослабив галстук, сказал голубоглазый. – Органическое поражение вирусом меняет поведение человека на поведение, направленное на распространение вируса-паразита, который становится собственно хозяином. Это во всех формулировках попадает под термин зомби.

– Нет, нет, нет, – отрицательно покачал головой министр. – Что угодно, только не это. Тут наука должна говорить, а не ваши... соображения. Наука у вас что говорит?

– Наука также использует это термин.

– Дожили... Мне сейчас что кадровым генералам говорить? Они ведь не мальчики далеко. Министру обороны что говорить, если своими силами не справимся? Помогите, Валентин Яковлевич, на нас зомби напали. Так, что ли? – он нахмурил лоб, обдумывая что-то. – Ладно. Что делать-то будем? – он устало вздохнул. – Собак с десантом отправили. Спасибо, дали нам на время попользоваться. Я так понимаю, информации по ним никакой, Руслан? – обратился он к оставшемуся военному в камуфляже без погон и признаков воинской части. – Повтори основное еще раз, что там камеры показали.

– Камеры показали, что эти самые... – он бросил взгляд на Алексея, – зомби воздействуют дистанционно. Похоже на влияние контролера, только еще и затрагивают физическое тело. Дистанция воздействия может быть метров тридцать, может – больше. На близких дистанциях достают через стены и укрепления. Как они миновали минное поле – непонятно,

почему выжили при расстреле их на подъезде ко второй линии – тоже непонятно. Лица у них приметные, в пятнах, возможно, маскировочный раскрас, но пока не ясно.

– Не маскировочный, – негромко сказал Алексей.

– Десанту мы наводку дали, чтобы стреляли с любой дистанции, лес, в который они ушли держим под визуальным контролем с воздуха. С одной стороны болото. В общем, дней за пять выжмем их на открытое место и уничтожим. Идти им некуда, если они с голоду в течение пары дней умирают, то в любом случае им недолго гулять, – ответил Руслан.

– Вот за что мне нравится наш специальный советник, что успокаивает не словом, а делом. А ты тут, Алексей Викторович, зомби, зомби, – приходя в спокойное расположение духа, сказал министр. – Информации нет, эвакуировали, выбили Долг... учишь правильно работать, вот пример, – указал он на спокойно сидящего советника в камуфляже.

– Есть учиться, – серьезно ответил голубоглазый.

– Хорошо, так, Леша, давай свободен. Погоняй там свою науку, пусть что-то посерьезнее скажут, – министр нажал кнопку вызова секретарши. – Пригласи генералов.

Голубоглазый встал и двинулся к двери, пропуская заходящих военных. Дверь за ним закрылась, заседающий за овальным столом сделал официальное лицо и оглядел присутствующих.

– Господа генералы, по поводу потерь. Думайте, кого, как и куда списывать. У кого уже сейчас есть предложения?

Поднялось сразу несколько рук.

Овод с братьями шел по Большой земле. Здесь, конечно же, многое было похоже на Зону, но отсутствие аномалий вводило в небольшое замешательство. Где-то там, на уровне бессознательного, чего-то не хватало. Он несколько раз проверил пару мест, в которых, судя по виду, просто обязаны были быть аномалии, но там ничего не было. В деревьях и почве было полно жизни, мелкие животные, белки, зайцы, птицы. Все в случае необходимости пойдет в ход, но это больше всего понадобится на первое время его новым послушникам, которые шли по следу и преследовали его на нескольких БМД, выделяющихся на фоне шума леса и несколько раз подавших голос собак. Люди по-прежнему хотели сразиться с ним и его Братством. Они считали, что он пытается скрыться от них и идет в гущу леса, в сторону запаха болот, чтобы замести следы. Как бы не так. Пустотелый вел их к богатым жизнью местам, где они смогли бы прокормиться первое время, пока не окрепнут. Он вел их туда, где их не просто будет найти и где им меньше будут мешать следующие пришедшие обратиться в новую веру.

Вот и болото. Зеленая поросль длинной светлой травы на кочках и высокие мочала водорослей между ними, скрывающие пока еще достаточно твердый грунт на глубине метра или чуть более. Овод подал сигнал остановиться. Десять братьев встали, бросив автоматы на видное место. Им нужно было, чтобы следующие за ними десятки людей подошли как можно ближе к брошенному оружию. Овод ощерился желтыми зубами: жаль, что он не может говорить, но он может хорошо планировать. Теперь он Старший Брат их Братства, его голосом, если надо, будет Дик – он думает так же, как и Пустотелый. Овод указал своим скрыться в первых утопах болота, где песнь лягушек, вначале испуганных появлением зомби, беззаботно началась вновь, а звенящие комары только разлетались в стороны от пятнистых лиц, не желая пробовать их кровь на вкус. Девять фигур, пройдя на сносную глубину, притопились в водорослях. Дышать им было необязательно, и они могли присидеть в болотной траве сколько угодно.

Овод побрел вперед по горло в воде, оставляя братьев позади. Ему нужно создать вид, что они все прошли дальше, чтобы преследующие их люди подошли вплотную к кромке болота. Постепенно двигаться становилось все тяжелее и тяжелее, водоросли хватали и обвивались вокруг ног, твердое поначалу дно стало рыхлым, состоящим в основном из разложившихся рас-

тений и ила. Но для Братства он был готов на все. Он уже слышал треск ломаемых тяжелой техникой деревьев, лай собак, вставших на горячий след, и окрики людей. Перед Оводом открылось подернутое ряской водное пространство диаметром около пяти метров. Верный омут, но тем лучше для дела, тем сильнее люди поверят в их отчаянную ситуацию. Он дождался, пока на берегу озера появятся сначала собаки, а затем и пехота, которая тут же откроет огонь по нему. Несколько горячих пуль ударили его в спину, еще пара пробила голову, ослепив Овода. Он дернулся вперед, в омут, который резко углубился, тяжелыми лапами гниющей растительности хватая его за плечи и погружая вниз; еще несколько пуль с силой щелкнули по черепу, вводя зомби в беспмятство, и только его механические движения идущего человека все сильнее и сильнее возбуждали голодную пасть бездонной болотной ямы. Без того черная вода вокруг него почернела еще сильнее от вдруг потерявшей зеленый цвет болотной растительности, а механические движения бессмертного существа все глубже и глубже затягивали его на глубину, из которой ему уже не было выхода. Он не мог видеть, как шестьдесят человек десанта вышло на берег, как метались и лаяли собаки. Как люди, успокоившись, убрали за спины оружие, закурили и, показывая пальцами на то место, где утонул зомби, сообщали что-то по рации, как, надев перчатки, они осматривали брошенные автоматы, фотографируя каждый. Как, открыв люки БМД, вышли остальные бойцы роты. Он не мог видеть, но почувствовал, находясь во тьме на глубине нескольких метров, объятый необоримыми лапами болота, как вдруг начали падать без сознания бойцы, как кто-то, поняв, в чем дело, начал убегать, но, споткнувшись, затих, как кто-то открыл огонь по воде, как собаки, заскулив, бросились наутек. Он не мог видеть, как опутанные зелеными водорослями, вставали девять оставшихся братьев, как Дик и братья благословили всех лежавших солдат, поцеловав каждого, передав каждому частицу их веры, частицу их Братства. Он не мог этого всего видеть, но чувствовал сейчас, уже не пытаясь бороться с бездушным чудовищем, держащим его в плену, не позволяющим больше шевельнуть ни рукой, ни ногой. Он открыл глаза и счастливо улыбался. Братство продолжит свой путь.

Глава 5. Бар «Муха»

Дик все понял по Старшему Брату Оводу. Овод был жив и проживет еще столько, сколько потребуется, но вытащить его из той трясины, в которой он оказался, невозможно. Теперь он, бывший наемник, будет возглавлять Братство, и если надо, он, так же как и первый Старший Брат Лука на блокпосту, так же как сейчас второй Старший Брат Овод, пойдет на риск и жертвы, чтобы Братство продолжало расти и шириться.

Первое, что он приказал, – это растащить и спрятать на большой территории медленно входящих в бред послушников. Когда они вступят в Братство, вокруг должно быть достаточно жизни, чтобы утолить их первый голод. Технику – четыре боевых машины десанта БМД-4 с тридцатимиллиметровыми пушками, крупнокалиберными пулеметами – укрыли в роше, замаскировав имеющейся при технике сеткой. Дик, как бывший наемник, первым делом достал карты. Желание расширять Братство и обращать в общую, единственно объединяющую веру других людей было у него в крови. Он ни на секунду не сомневался в том, что будет делать в ближайшее время, – нужно только выиграть его, буквально несколько дней. Новые братья скоро встанут на их сторону и смогут нести свою веру и знание гордо и непоколебимо на Большую землю, но сейчас надо сориентироваться на местности и понять, где находятся они и как быстро к ним могут прийти незванные гости.

– Не понял. Как десантная рота пропала? Это что, группа пионеров или грибников? Это же десант! – большой человек, лысеющий и статный, с побагровевшим лицом ходил вдоль своего кабинета за спинами министра по чрезвычайным ситуациям, его помощником и несколькими генералами из министерства обороны. – Вы что? Вы ЧТО! – вдруг заорал он так, что эхо его крика еще несколько секунд витало в высоком кабинете.

Сидящие за столами не поднимали голов. Действительно, специальная рота крепких вояк на технике, выслав информацию вместе с видео очевидно последнего утопающего в болоте нарушителя, расстреляв его, не вернулась. Вернулись только насмерть перепуганные собаки, отказывающиеся показывать дорогу, откуда они пришли, и то не все. Всего пять жучек вместо десяти. Видимо, жизнь их к такому не готовила.

– Квадрат исчезновения оцепили, выставили кордоны. Сейчас возводим укрепления, – попытался сказать хоть что-то, лишь бы не молчать, министр по чрезвычайным ситуациям.

Он особо чувствовал свою вину за такую потерю вверенных ему для этого людей, которые были не призывниками-срочниками, а профессиональными контрактниками, за смерть которых не надо отчитываться перед безутешными родителями и придумывать небылицы для прессы. В этом он был прав: серьезные операции, серьезные меры, но чтобы так просто, десять непонятно каких нарушителей, как их там, зомби, будь они не ладны, смогли без шума устранить почти сотню обученных солдат, и не абы каких...

– Вы мне что, Виктор Степанович, вторую Зону тут открываете? Вам той первой мало? – с трудом сдерживая себя, спросил хозяин кабинета. – В общем, так, теперь это дело министерства обороны, я думаю, Вы не будете возражать? – Виктор Степанович судорожно кивнул. – Тогда мой приказ следующий, – два генерала из его ведомства схватились за лежащие перед ними блокнотики. – Подкатите ТОС, «Грады», «Смерчи», приведите все с нескольких частей, сравняйте квадрат и все, что вокруг, к чертям собачьим. Оцепление усилить. Спутники, авиацию – все настроить на контроль. Чтобы даже щепки на месте не стояло. Официальная версия – учения. Задача ясна?

– Так точно! – хором ответили генералы.

– Выполняйте.

На Армейских Складах тем временем продолжалась грандиозная попойка. Такое большое количество народа, собравшегося вдруг вместе по в целом хорошему поводу, просто не могла не напиться. Бар, находящийся на территории этой группировки, теперь обзавелся своим названием «Муха», обзавелся вдруг, неизвестно откуда взятой мебелью. Оно было и понятно: разоренный и хранящий страшные воспоминания, Росток теперь совсем не привлекал сталкеров. Гнус оставил свои отпечатки везде в виде черной, мертвой земли, растительности, тряпочек, разметанных по территориям и стенам зданий, оставшихся от взорванных зомби. К этим останкам никто не хотел прикасаться, поэтому восстановление базы на Ростке было только в зачаточном состоянии. Армейские же, засеянные местной травой и рассаженым кустарником, зеленели и успокаивали глаз. Бармен по прозвищу Товарищ взял еще пару помощников и вывел свой бизнес на новый уровень, поскольку теперь сталкеры сдавали хабар ему, а не в «Сто рентгенов». Конечно, часть доли он отдавал в пользу Свободы в виде редких и нужных артефактов, но и сам был в приличном прибытке.

Гипс, чувствуя свой исход, оставил все контакты, имена и интересы больших людей, помогающих их организации с Большой земли, и теперь Якорь, выучив все и подготовив товар, обновлял контакты по открывшейся вновь для них связи через посыльных, которых также называли бегунками. Между тем, хоть база группировки была далеко от основных направлений сталкеров и ближе к глубокой Зоне, оживившееся направление привлекло и искателей хабара, которые раньше просто боялись заходить в такую даль. Зона, то ли потеряв большое количество мутантов из-за гнуса и вынужденных гонов, то ли в благодарность за избавление от мучителей, практически не показывала мутантов вокруг Армейских Складов на километры вокруг. Десятки сталкеров сидели теперь в баре «Муха» за длинными и не очень столами, распивая «Казачки» и закусывая всем, что было и в баре, и в собственных рюкзаках. Скамейки и длинные столы гомонили дружными песнями, обсуждениями и смехом. Столы, находящиеся всего в паре метров друг от друга, пели свою песню, но случалось, что один стол, обнявшись за плечи, начинал перепевать другой, так, что и другой стол, плюнув на свою песню, подхватывал соседскую. Кто-то из мужиков выбывал с дистанции, тогда его за руки и за ноги вытаскивали наружу, благо помещение не имело сплошных стен, и выбывшего клали аккуратно рядом с другими таким же набравшимися и уснувшими сталкерами.

Трофим, слыша этот пьяный гул, сидя у себя в соседнем ангаре над записями с именами сталкеров его группировки, иногда лишь удивленно поднимал брови, когда хор мужичьих голосов вдруг выдавал особо опасную высоту, которую брало всего два-три голоса, но и этого хватало, чтобы песня продолжала орать дальше окрыленными успехом сталкерами. «Че-е-ерны-ый во-о-рон, что ж ты вь-е-о-о-шься...», – десятый раз орали сталкеры, казалось бы, только закончив «Ой мороз, мороз». А списки, которые составил Трофим, между тем были не такими веселыми. Это были списки тех, кто был поражен некривирусом, тех, кого ожидала последующая жизнь на этой земле после смерти. Таких была половина, включая самого ученого. Трофим уже сделал графики корреляций количества зараженных в зависимости от возраста, от времени, проведенного в Зоне, от активности в Зоне сталкера. Выходило примерно так, как и ожидалось: чем дольше и активнее находился и двигался сталкер, имеется в виду частота его выходов в глубину Зоны, тем больше была вероятность заражения. Итого получалось, что новички, имеющие незначительные или нечастые ходки, находящиеся в Зоне до полутора лет и ловящие удачу либо бродящие по заданию в малой и средней Зоне, заражены меньше всего, порядка двадцати процентов имеющих. Сталкеры со сроком пребывания до трех лет – порядка пятидесяти процентов. Сталкеры от трех лет ближе к четырем с половиной и выше – восьмидесяти процентов зараженных. Теперь эти выводы надо показать Якорю просто ради того, чтобы показать свою работу, – ему ведь за это платят, – а потом выехать на Большую

землю, к жене и детям – уж очень давно его там не было. Заждались и перепугались, наверное, неоднократно. Один только момент в связи с выездом к жене напрягал его. Передается ли этот вирус от еще живого человека к незараженному и если передается, то как? Жена ждет его дома у своей мамы и не поймет, если, придя из Зоны, он вдруг начнет нелепо избегать контакта. Она всегда у своей мамы, пока его нет. Только к его приезду они с детьми перебираются в их квартиру. Но как выяснить относительно заразности этого некровируса?

Погруженный в раздумья он, уже не слыша шум бара, пошел в здание к Якорю. Миновав охрану, постучал к нему в кабинет и почти сразу вошел. Якорь сидел на своем новом месте лидера группировки. Обстановка в кабинете так и не поменялась после Гипса. Те же самые книжные шкафы со стеклянными дверцами справа, тот же стол и стул для хозяина и стулья для посетителей, та же пепельница, разве что появился небольшой стол сразу справа от дверей, на котором стояло несколько коробок. Якорь стоял на том же месте, что и ранее Гипс, возле окна, одетый в легкий комбинезон группировки «Ветер Свободы», и курил у деревянного приоткрытого окна. Завидев Трофима, он кивнул, сделал последнюю затяжку и замахнулся было выкинуть бычок в окно, но, видимо, вспомнив Гипса, осекся и притушил окуроч в пепельнице.

– Говори, Док, – сказал он, усаживаясь на место и жестом предлагая ученому сесть на стоящий для посетителей стул. Волосы сталкера стояли коричневым с проседью ершиком, из-за окна слышалось: «Из-за о-о-острова на стре-еж-е-ень, на просто-о-ор речной волны-ы-ы...» неугомонных сталкеров из бара. Оба находящиеся в кабинете невольно прислушались к первым строчкам куплета.

– Мне вот интересно, – отвлекся Якорь, – им в «Ста Рентгенах» на Ростке-то так орать, небось, не давали.

– Да, поорать они, конечно, мастера, – согласился, прислушиваясь к идущей звуковой волне, Трофим.

– Ладно, пусть отметят подарки, победу, помянут кого надо. Это дело такое...

– Ага, – согласился Трофим. – Я что пришел. Вот тут списки наших инфицированных сталкеров, – он подал листки в протянутую руку.

Якорь погрузился в изучение, только краем глаза пробежал по таблицам и графикам, заострив в основном внимание на кличках сталкеров.

– Ха, – хмыкнул сталкер. – Вот Моль! Вот старый хрен! Как он умудрился не подцепить заразу-то? Всегда с ним вместе ходили, с одного котла ели, из одной фляги пили... Ну да, он все время в Севе-старушке своей ходил, это я только с открытым рылом и голыми руками. Мда... Ладно я хоть морально готов, а мужикам-то... Как думаешь, говорить или нет? – Якорь уставился на ученого, ожидая ответа.

– «По крайней мере бытовым способом от живого носителя не передается» – понял Трофим. Он выждал паузу, подбирая слова. – По врачебной этике, пациент всегда должен знать диагноз.

– Так, значит, вот незадача. Какотреагируют-то, а? Я же, как узнал, так без стакана не усидел. Но я это я, я-то без психа могу. Хотя... – сталкер почесал затылок. – Мужики у нас толковые, хрен их такой новостью перебьешь.

– Так эти уже пьяные, куда дальше-то?

– И то верно. Это все?

– Я это... Я бы домой съездил на пару недель. Можно устроить?

– Конечно, Док. Гипс тебя официально прописал, работаешь ты в организации «Свобода», специализирующейся на продаже сувенирной продукции. Работаем в Киеве и в Москве. Смекаешь, что за сувениры?

– Артефакты? – с улыбкой предположил очевидное Трофим.

– Они самые. Но, само собой, только определенным людям от определенных покупателей. Кстати, вот и повезешь сувенирную продукцию. Вон на столике позади, там немного, кило-

граммов десять. Ты же от Москвы недалеко живешь? В магазинчике нашем и наличку получишь – зарплату и премию. Обратная связь через ту же точку. Договорились?

– Без проблем, шеф, – радостно улыбнулся Трофим.

– Ну, добро. Так. Как раз вопрос о пересылке решили, я, оказывается, только тебя ждал. Теперь пойдем мужикам сдаваться. Пока они пьяные, проще всего сообщить. Не молчать же, в самом деле, мало ли у кого какие планы, – сказал Гипс, поднимаясь со стула. – Заодно подготовим всех желающих к твоему приезду кровь сдать. Ты ведь не против?

– Не против. Проверим. Работа не пыльная, – с легким сердцем согласился ученый.

В коридоре Якорь остановился и хотел что-то крикнуть одному воину в экзоскелете в конце коридора, но передумал и пошел к бару, рядом с которым рядами лежали спящие мужики, человек пятнадцать, еще человек сорок были уже в состоянии, в котором опасно вставать, ну и десяток вполне трезвых сталкеров, которые в силу то ли природной крепости, то ли умения не пить больше возможностей были практически трезвыми. Якорь прошел мимо столов, слегка сморщившись, отмахиваясь от жестокого перегара списком, – это еще при том условии, что бар находился в высоком ангаре, где двух стен просто не было и вентиляция была само собой на уровне постоянного сквозняка. Трудно представить, что было в баре «Сто рентгенов», когда там более-менее плотно собирался народ, чтобы выпить и отпраздновать какое-либо событие. Не задерживаясь, он взобрался на стойку бара, несколько смутив упыхавшегося товарища и его помощников. Дождавшись, когда сталкеры, толкая друг друга локтями и указывая на лидера Свободы, смолкнут, он начал речь.

– Господа товарищи и братья сталкеры. Мужики. Недавно мы выиграли серьезную битву, не победив в которой, нас бы уже не было в живых.

– Да, было, было... верно... – разноголосым шумом отозвались мужики.

– Но в конце нам помогли. Вы сами знаете кто. Мы стараемся не говорить про них, но это наши бывшие товарищи и друзья. Ведь так?

– Да, да, – подтвердила толпа.

Трезвые сталкеры внимательно слушали Якоря, отложив стаканы. К бару стянулись другие бойцы группировки и вольные, отдохавшие отдельно не в баре.

– Они называют себя Воскресшие. Я встречался с их лидером, у нас в настоящий момент торговые отношения. Это уже не безмозглые мертвецы, которых мы знали ранее, а практически настоящие люди. Я хочу сказать, что сегодня при помощи науки, – Якорь показал рукой на стоящего рядом Трофима, которого смутило заострение внимания на его персоне, – мы можем сказать, кто после смерти может воскреснуть. Это касается тех, кто сдавал кровь на анализ!

Шум среди сталкеров. Прикрывшие было глаза и выключающиеся от алкоголя мужики оживились, зашумели все громче и громче, обсуждая между собой новость. Якорь дал время на созревание основной идеи коллектива, которая через десяток секунд вылилась в требовательные крики.

– Говори, кто... Читай давай, Якорь! Режь правду-матку!

Сталкер поднял руку, призывая к тишине, и поднес к глазам список, начиная с себя.

– Якорь, Коваль, Асбест, Полтава, Разлив, Белый...

Клички продолжались и продолжались, сталкеры возбужденно повставали со скамей, окружив перекрикивающего взбудораженную толпу человека. Кто еще не слышал свой позывной, цыкали на зашумевших товарищей, заставляя их заткнуться и не мешать.

– Линь, Хомут, Мушкет, Банка – все, – Якорь оглядел толпу.

Смятение и гул, словно осиное гнездо. Сталкеры, забыв про все, обсуждали и ощупывали себя. Заглядывали в глаза и рот друг другу, очевидно, ожидая увидеть там что угодно, вплоть до тела вируса. Часть мужиков придвинулась ближе.

– Кровь сдавать куда? – спросил один из них, крупный вольный сталкер с бычьей шеей, качающийся на ногах, но поддерживаемый с обеих сторон товарищами.

– Желаящие сдать кровь через двадцать дней к Доку, – крикнул в толпу Якорь.

Еще минута общего шума и гомона пытающихся переварить информацию людей. Кто-то жаловался, что у него болит спина, кто-то, – что болит ключица, кто-то и вовсе вчера проснулся с перепугом: «симптомы» заражения начали проявляться у каждого третьего. Сталкеры делали круглые глаза, многозначительно тыкали в больные места через комбинезоны и прочные куртки, кивали головами и бубнили, бубнили и бубнили.

– Эге-гей! Тысяча чертей! – крикнул кто-то за одним из столов, подражая известному актеру. – Мы бессмертны, каналья!

– Наливай, на..! – восторженно заорали ему в ответ.

Пьяная гурьба разрешила наконец для себя сбивающий с толку вопрос: что делать в связи с вышеизложенным? И нашла выход отпраздновать это с еще ббольшим размахом. Послышались крики.

– Бармен, тащи на все!

– ...кабанятину неси...

– ...меню, меню дай хоть...

Один из столов, сгрудившись и обнявшись в едином порыве, восторженно запел:

– Че-е-ерны-ый во-о-рон, что ж ты вье-о-о-шься...

Якорь покачал головой. Сталкеры были неисправимы.

Глава 6. Тик-так

Тяжелые огнеметные системы шли своим ходом с нескольких военных частей. Время прибытия последней бригады определялось двенадцатью часами, плюс-минус время развертывания. Выдвинутые часовые Братства наблюдали, как под прикрытием танков и вертолетов инженерные войска возводили стены из колючей проволоки, минировали поля, устанавливали осветительные мачты, возводили легкосборные вышки наблюдателей. Дик тем временем, сидя в БМД, следил за эфиром на нескольких открытых для приемника этой боевой машины частотах. Среди кучи оружия, приборов и припасов, оставшихся от ушедших в перевоплощение, он нашел квадрокоптер, вещь, бесспорно, полезная и нужная в их ситуации. Он умел им пользоваться – наука была несложная, ему, как наемнику, часто приходилось вести заказанного клиента при помощи этого устройства. Зомби вытащил новый аппарат из коробки, проверил аккумуляторы и, удовлетворившись, осторожно двинул к условному краю их лесной территории, за которой в сотне метров уже на открытом пространстве, едва заметно в сумеречном свете торчали столбики с растянутой между ними колючей проволокой, не видимой им на таком расстоянии. Спрятавшись за дерево, он включил аппарат и повел его вверх и дальше за линию ограждения. Экран дисплея показывал обстановку снизу. Ряд приглушенных огней палаточных лагерей оцепления с работающими генераторами, подъехавшие полевые кухни и... несколько прибывающих РСЗО «Град» на колесном ходу, встающих рядом с ТОС «Буратино» на танковом коробе Т-72. Это было серьезно, это было более чем серьезно для девяти оставшихся братьев. Это могло убить всех послушников, бредивших, лежащих без сознания или пришедших в себя и пытающихся уйти. Это сводило на нет их усилия, с чем он как Старший Брат никак не мог согласиться. Развернув квадрокоптер, посадив его и упаковав обратно в чемодан, он поспешил к болоту, на ходу обдумывая план действий. Его встретили два брата, оставшихся на месте. Остальные были на постах наблюдения либо следили за обращающимися.

– Пришла тяжелая артиллерия. Надо выиграть время. Будем выдавать им по десять человек через каждые шесть часов. Выиграем двое суток. Грузим.

Зомби притащили и погрузили бесчувственные тела в БМД, уложив их друг на друга. Дик надел балаклаву с прорезями только для глаз, чьи-то темные очки, полностью закрыв лицо, новый камуфляж, перчатки, полностью спрятав поверхность тела, а к антенне транспорта привязал белый лоскут ткани, обозначающий переговорщика. Сел на место водителя, завелся и, ревя мотором, тяжело развернулся, медленно давя и ломая деревья, двинулся к ограждению, находившемуся в нескольких километрах от этого места. Остановившись в пределах видимости постовых за проволочным ограждением под светом направленных на него в наступающих сумерках прожекторов, он развернулся и сдал задом, показывая приоткрытый люк. Дождавшись, пока безумно мечущийся свет фонарей разойдется по позициям, он вылез из люка и, подняв руки вверх, встал возле техники. Через несколько минут, скрипя и прыгая по ухабам, выскочил, таща за собой шлейф пыли, армейский внедорожник. Оттуда вылез, судя по неровным движениям, волнующийся, отекающий и пузатый полковник. Нервным движением он проверил пуговицы, надел фуражку и, сопровождаемый двумя автоматчиками, приблизился к краю колючей проволоки, давая понять, что далее идти не собирается, и теперь замотанный с ног до головы выходец из Зоны должен подойти к их территории. Зомби, слегка усмехнувшись, чего не было видно под балаклавой, наивной в его случае мере предосторожности полковника, подошел к ограждению.

– Полковник Гусев, – приложил руку к голове армейский и в ожидании уставился на зомби.

– Старший Брат, – ответил Дик, не козыряя, спокойно разглядывая офицера.

– И все? Звание, должность, организация?

– Я – Старший Брат. Я представляю Братство, полковник. У нас ваши люди, но мы не хотим лишней крови. Я отдам вам сейчас десять человек, и каждые шесть часов еще по десять.

– Они живы? – сдерживая волнение, спросил полковник.

– Да. Они живы. Им нужно в госпиталь. В хороший, большой госпиталь, где много персонала, способного проследить за ними.

– Какие ваши требования? Что вы хотите получить взамен? Какие требования вашего Братства?

– Вы все узнаете, полковник, когда придет время. Пока что мы говорим, что отдаем вам ваших людей вместе с техникой. Они живы. Вы же не хотите уничтожить ваши войска своими ракетами, полковник?

– Никак нет, Старший Брат. Мы не хотим лишних жертв. Я должен сообщить руководству. Дайте мне пять минут.

– Хоть сутки, – ответил Дик.

Офицер отошел, а конвоирующие его автоматчики, не отворачиваясь от замотанного и неузнаваемого зомби, отошли на два метра по-прежнему лицом к нему. То, что говорил зомби полковнику, слышали тут же в главном штабе. Уже сейчас они пробивали все сомнительные организации, в названии которых было слово «Братство». Десяток террористических группировок обозначился с подобным названием, но ни у одной из них не было интересов в этой части земного шара. Не добившись никакой определенности, справедливо считая, что нужно спасать людей, пока есть возможность, штаб согласился. Полковник, распрямив плечи, убрал телефон в карман и с явным облегчением подошел к колючке.

– Мы согласны. Мы даем вам шесть часов с условием выдачи двенадцати человек каждые шесть часов.

– Полковник, вы получите всех своих людей обратно, я вам обещаю. Десять человек. Это же живые люди, обученный спецназ. Он стоит дорого, полковник. Не торгуйтесь.

Полковник прислушался к бусинке микрофона в ухе и кивнул.

– Хорошо.

– Это верное решение, полковник. Я оставлю вам вашу БМД, чтобы вы не сомневались в том, что все будет по уговору.

Зомби развернулся и зашагал прочь, оставляя технику военным. Как только он скрылся, подошел боец с зеркальцем на штативе, осторожно осмотрел кабину, люки и только затем подал знак ожидающим с носилками бойцам. Вскоре, мерцая проблесковыми маячками в почти полной ночной темноте, приехали две медицинские армейские машины, куда солдаты начали перекладывать лежащих без сознания и бредивших людей.

На северо-востоке, в стороне Зоны отчуждения, привычно собирались грозовые тучи, а здесь, в пятнадцати километрах от ее границ, спокойно сияли звезды, ровно и ласково светила луна, выводили свои трели сверчки, сова, сидя на дереве, высматривала в траве мышшь. В стороне болот раскричавшиеся вдруг лягушки замерли и сдулись, превратившись в скукоженный комочек черноты. Водоросли побурели и опустились на дно, неисчислимые насекомые и микроорганизмы черным, неподвижным более прахом зависли в воде. Братство проголодалось – пришло время пополнить свои запасы жизни. Мечущиеся в беспамятстве люди, некоторые из которых были связаны по рукам и ногам, успокоились и были развязаны. Они больше не сопротивлялись. Нервная система, поработанная вирусом, перестраивалась, ломала старые механизмы функционирования и, используя собственные резервы организма, создавала новые, заставляя людей тяжело дышать, поднимая температуру тела до критической. Вирус изматывал и менял носителя, осваиваясь в каждом новом теле. Пятнистые братья смотрели на все это. Кое-кому они подавали воду, чтобы облегчить переход, кого-то перекладывали на бок, чтобы в редких судорогах и спазмах он не травмировался и не захлебнулся рвотой. Сейчас растущая в них сила была очень хрупка. Человек должен дожить до завершения процесса обращения, но

кое-кто закончит процесс обращения в госпитале в окружении медсестер, врачей и таких же, как он сам, братьев. Дик успел выиграть время, и это было хорошо. Если бы он просмотрел реактивные системы залпового огня, все послушники были бы потеряны. Братья, возможно бы, и спаслись, спрятавшись в болоте, но окружающие их военные части вряд ли бы дали уже приблизиться на какое-либо расстояние, не говоря о том, чтобы захватить новых послушников. Овод Пустотелый рискнул и сделал свой шаг для спасения Братства, Дик достойно продолжил это дело, и теперь, если все пойдет по его плану, Братство будет остановить гораздо сложнее.

Медленно наступало утро. Дик посмотрел на трофейные, как и все, что было у них, часы. Пора отвозить следующий десяток. Погрузив, он повез их к месту передачи. Молча оставил БМД у ограждения и, не оглядываясь, ушел, прекрасно чувствуя все спиной. Но его окликнули.

– Послушай, брат!

Дик обернулся. Недалеко от разгружаемой техники стоял человек с бородой в белом халате. Сделав жест рукой, человек отошел от основной группы, приглашая Дика отойти вместе с ним в сторону, что зомби и сделал.

– Послушай, Старший Брат. Что с ними? Скажи, чем мы можем их лечить?

– Они не больны. Это скоро пройдет. Само.

– Послушай...

– Поверь. Скоро. Все. Пройдет, – сказал зомби таким тоном, что человек попятился назад и невольно перекрестился.

Не говоря больше ни слова, зомби отвернулся и, освещаемый блекнувшей под светлеющей полоской неба луной, удалился в глубь чащи.

Голубоглазый сидел за своим столом в кабинете здания министерства по чрезвычайным ситуациям. Его должность, которая звучала расплывчато и обтекаемо, – куратор закрытых зон – не обращала на себя никакого внимания людей, не понимавших, о чем идет речь. На прикрепленной к двери позолоченной табличке было выведено: «Алексей Викторович Худных». Лица же, имевшие информацию о деятельности этого небольшого отдела, заходили в кабинет только по приглашению, либо после долгих обращений с их стороны, либо после специального указания министра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.